

А БЫЛ ЛИ «ФИЛОСОФСКИЙ СКАНДАЛ»?

(критика репрезентативной теории абстракции Джорджа Беркли)

Бредюк П.А., Нилогов А. С.

научный руководитель канд.филос.наук Нилогов А. С.

Хакасский технический институт

В соответствии с репрезентативной теорией абстракции, выдвинутой английским философом Джорджем Беркли (1685 – 1753), человеческое воображение не в состоянии представить образы вообще – без эмпирической конкретности. Если необходимо вообразить человека вообще, то перед мысленным взором предстанет не абстрактный человек, а реальный человек – будь то мужчина или женщина, взятый из памяти или схематизированный из нескольких памятных воспоминаний. Аналогично обстоит дело с геометрическими фигурами – например, бессмысленно представлять многоугольник вообще – без уточнения, каким он будет – правильным или неправильным, а треугольник – без уточнения о его углах и сторонах (остроугольный, прямоугольный, тупоугольный, разносторонний, равнобедренный равносторонний). Таким образом, возможности человеческого воображения во многом ограничены тем эмпирическим материалом, какой становится доступным опытным путём. Может быть, именно поэтому так тщетны многочисленные попытки идеализации, особенно в форме утопий, почти всегда заканчивающиеся болезненной встречей с реальностью. Впрочем, в репрезентативной теории абстракции Беркли имеется ряд исключений.

В данной статье мы рассмотрим одно из них, касающееся мысленных операций с геометрическими фигурами – в частности, с многоугольниками. Репрезентативная теория абстракции уязвима в том, что не до конца различает между **референциальным** (в основе – референт, наличествующий в действительности) и **интенциональным** (в основе – интенция как конкретная направленность сознания на предмет) разумами, хотя заявленная позиция философа звучит многообещающе:

«Вы спрашиваете меня о том, находятся ли книги в кабинете сейчас, когда их никто не видит. Я отвечаю: да. Вы спрашиваете меня: а не ошибаемся ли мы, воображая вещи существующими тогда, когда они актуально не воспринимаются чувствами. Я отвечаю: нет. Существование наших идей заключается в их воспринимаемости, воображаемости и мыслимости, и всякий раз, когда они воображаются или мыслятся, они существуют. Когда бы о них не упоминали или не рассуждали, они всегда воображаются или мыслятся; следовательно, неправильно будет спрашивать о том, существуют идеи или нет, ибо они с необходимостью существуют уже в силу самой постановки вопроса [472, 59].»

Но вы можете сказать, что тогда и химера существует. И я отвечу, что она действительно существует в одном смысле: её воображают. Следует обратить внимание на то, что общепринято существование ограничивать актуальной воспринимаемостью и что я использую слово «существование» в более широком смысле, чем обычно [473, 59].»¹

И далее о самом скандальном философском постулате «esse est percipi»² («О принципах человеческого знания»): «3. Все согласятся с тем, что ни наши мысли, ни страсти, ни идеи, образуемые воображением, не существуют вне нашей души. И вот для меня не менее очевидно, что различные ощущения или идеи, запечатлённые в чувственности, как бы смешаны или соединены они ни были между собой (о есть какие

¹ 1: 44.

² «Кант, имея в виду идеализм Беркли, называет «скандалом в философии» то, что существует надобность в доказательстве реальности вещей» (3: 416).

бы предметы ни образовывали), не могут существовать иначе как в духе, который их воспринимает. Я полагаю, что каждый может непосредственно убедиться в этом, если обратит внимание на то, что подразумевается под термином *существует* в его применении к осязаемым вещам. Когда я говорю, что стол, на котором я пишу, существует, то это значит, что я вижу и осязаю его; и если б я вышел из своей комнаты, то сказал бы, что стол существует, понимая под этим, что, если бы я был в своей комнате, то я мог бы воспринимать его, или же что какой-либо другой дух действительно воспринимает его. Здесь был запах – это значит, что я его обонял; был звук – значит, что его слышали; были цвет или форма – значит, они были восприняты зрением или осязанием. Это всё, что я могу разуметь под такими или подобными выражениями. Ибо то, что говорится о безусловном существовании немыслящих вещей без какого-либо отношения к их воспринимаемости, для меня совершенно непонятно. Их *esse* есть *percipi*, и невозможно, чтобы они имели какое-либо существование вне духов или воспринимающих их мыслящих вещей»³.

Будучи выразителем референциального подхода к воображению, согласно которому отсутствие референта (предмета в действительности) означает отсутствие возможности его помыслить, даже если он выражен словесно (например, «квадратный круг»), Беркли уточняет свой известный принцип «*esse est percipi*» («существовать значит быть воспринимаемым»; в отличие, скажем, от принципа «существовать значит быть воспринятым» (то есть осознанным, понятием, услышанным в индивидуальной, по возможности аутентичной, экзистенции – *Dasein*, а не в безличном *Man*), заявленного в фильме «Облачный атлас», 2012): речь идёт не об отрицании существования общих идей, а об отрицании существования абстрактных общих идей. По мнению Беркли, уж если и говорить об абстрактных вещах, то именно конкретно, а не абстрактно, как делают многие философы. (Однако далее станет очевидно, что Беркли не полагает в качестве интенциональных нужд *проблематизируемые (если не сказать – воображаемые) абстрактные общие идеи*, воображая только химеру, да и то не какую-то конкретную, а самую что ни на есть абстрактную (!).)

«Я действительно нахожу в себе способность воображать или представлять себе идеи единичных, воспринятых мной вещей и разнообразно сочетать и делить их. Я могу вообразить человека с двумя головами или верхние части человека, соединённые с телом лошади. Я могу рассматривать руку, глаз, нос сами по себе отвлечённо или отдельно от прочих частей тела. Но какие бы руку или глаз я ни воображал, они должны иметь некоторые определённые образ и цвет. Равным образом идея человека, которую я составляю, должна быть идеей или белого, или чёрного, или краснокожего, прямого или сгорбленного, высокого, низкого или среднего роста человека. Я не в состоянии каким бы то ни было усилием мысли образовать вышеописанную абстрактную идею. Точно так же для меня невозможно составить абстрактную идею движения, отличную от движущегося тела, – движения, которое ни быстро, ни медленно, ни криволинейно, ни прямолинейно; и то же самое может быть сказано о всех прочих абстрактных идеях. Чтобы быть ясным, скажу, что я сознаю себя способным к абстрагированию в одном смысле, а именно когда я рассматриваю некоторые отдельные части или качества особо от других, с которыми они, правда, соединены в каком-либо предмете, но без которых они могут в действительности существовать. Но я отрицаю, чтобы я мог абстрагировать одно от другого такие качества, которые не могут существовать в отдельности, или чтобы я мог образовать общее понятие, абстрагируя его от частных вышеуказанным способом, что именно и составляет два собственных значения абстрагирования. И есть основание думать, что большинство людей согласится, что оно находится в одинаковом положении со мной.

³ 1: 172.

Простая и неучёная масса людей никогда не притязает на абстрактные понятия. Говорят, что эти понятия трудны и не могут быть достигнуты без усилий и изучения; отсюда мы можем разумно заключить, что если они существуют, то их можно найти только у учёных»⁴.

И далее: «13. Чтобы сообщить читателю более ясный взгляд на природу абстрактных идей и на то употребление, ради которого они считаются необходимыми, я приведу ещё следующее место из «Опыта о человеческом разуме»: «... отвлечённые идеи не так очевидны или легки для детей или для неопытного ещё ума, как идеи единичные. Если они кажутся таковыми людям взрослым, то лишь вследствие постоянного и привычного их употребления, ибо при внимательном размышлении об общих идеях мы найдём, что они суть фикции и выдумки ума, которые заключают в себе трудности и не так легко появляются, как мы склонны думать. Например, разве не нужны усилия и способности, чтобы составить общую идею треугольника? (А она ещё не принадлежит к числу наиболее отвлечённых, широких и трудных идей.) Ибо она не должна быть идеей ни косоугольного, ни прямоугольного, ни равноугольного треугольников; она должна быть всем и ничем в одно и то же время. На деле она есть нечто несовершенное, что не может существовать, идея, в которой соединены части нескольких различных и несовместимых друг с другом идей. Правда, при своём несовершенном состоянии ум имеет потребность в таких идеях и всячески стремится к ним для удобства взаимопонимания и расширения познания, ибо он по своей природе очень склонен к тому и другому. Но есть основания видеть в таких идеях признаки нашего несовершенства. По крайней мере это в достаточной степени показывает, что прежде всего и легче всего ум знакомится не с самыми абстрактными и общими идеями и что не к ним относится его самое раннее познание» (кн. IV, гл. 7, § 9). Если кто-нибудь из людей обладает способностью образовать в своём уме идею треугольника, подобную той, которая здесь описана, то бесполезно стараться спорить с ним, да я и не берусь за это. Моё желание ограничивается только тем, чтобы читатель вполне очевидно убедился в том, имеет ли он такую идею или нет, а это, я полагаю, ни для кого не составит трудноразрешимой задачи. Что может быть легче для каждого, чем немного вникнуть в свои собственные мысли и затем испытать, может ли он достигнуть идеи, которая соответствовала бы данному здесь описанию общей идеи треугольника, который *ни косоуголен, ни прямоуголен, ни равноуголен, ни равнобедрен, ни неравноуголен, но который есть вместе и всякий, и никакой из них*»⁵.

Не вдаваясь во все тонкости аргументации Беркли, отметим ряд критических моментов его теории, высказанных отечественным исследователем И. С. Нарским: «Итак, по утверждению Беркли, весь чувственный опыт людей по своему содержанию полностью, абсолютно субъективен. Чтобы окончательно «разделаться» с объективностью содержания опыта, он постарался проделать ещё две операции, связанные одна с другой: подорвать философское понятие материальной субстанции, а для этого разрушить механизм образования общих понятий, который был обрисован Локком. Ради достижения этих целей Беркли идёт на подмену предмета рассуждения и ведёт речь по сути дела не об общих понятиях, а об обобщённых *представлениях*. Используя некоторую двусмысленность формулировок Локка, он утверждает, что общие понятия невозможны, ибо они были бы обязаны одновременно содержать в себе все конкретные признаки входящих в них частных понятий, а эти признаки зачастую совершенно несовместимы друг с другом. Вместо общих понятий Беркли предлагает пользоваться репрезентативными (представительными) представлениями, то есть чувственными идеями отдельных конкретных предметов, выступающими в роли

⁴ 1: 157–158.

⁵ 1: 160–161.

«представителей» от любого из прочих предметов данного класса. Это крайне номиналистическая концепция, которую Беркли защищает посредством отрицания существования общих понятий. Он обвиняет сторонников противоположной точки зрения в абсолютизации (гипостазировании) общих понятий, но он сам же гипостазирует единичные представления-репрезентанты, приписывая им не свойственную для их функционирования роль абсолютных «представителей»⁶.

И в заключении как раз о том исключении, благодаря которому позиция Беркли может быть поставлена под вопрос. Дело в том, что репрезентативная теория абстракции не работает в отношении вполне конкретных многоугольников: да и в целом в отношении сложных и сверхсложных конструкций. Каким образом, с точки зрения Беркли, можно образовать представление тысячеугольника? Даже конкретный образ (а то и схема) такого тысячеугольника трудно удерживается в воображении, представляя больше в форме понятия (чаще – просто слова или образа слова), чем в образе геометрической фигуры. А когда речь заходит о миллионоугольнике, то никакой ни абстракции, ни конкретики добиться уже ли удастся. Получается, что в отношении таких геометрических фигур, как многоугольники, репрезентативная теория абстракции Беркли не действует, как не работает она и для других сложных физических объектов, чья представимость не сводится к набору чувственных характеристик. В силу нехватки таковых скандальный принцип Беркли «esse est percipi» не всегда применим даже на уровне общих идей, которые с трудом проецируются (гипостазируются) в мышлении. Конкретная идея миллионоугольника неповлощаема в обыденном опыте (точнее – неразличима, если речь идёт о правильном многоугольнике, который почти сливается с кругом), а идея n-угольника вряд ли когда-нибудь найдёт практическое воплощение, как и все операторные (функционал-) сущности.

Однако отмеченная проблема может быть частично решена с помощью разработанной программы, проектирующей многоугольники в диапазоне от 3 до 1000 углов. Программа под названием «Многоугольники» создана бакалавром ХТИ – филиала СФУ (II курс, Отделение электроэнергетики и информатики) – Павлом Андреевичем Бредюком. Она позволяет создавать и сохранять (в виде графических файлов) конкретные многоугольники, сенсорный опыт которых может быть востребован человеком из памяти. Таким образом, удостоверяется чувственная аргументация репрезентативной теории абстракции, восполняющая позицию Беркли, но полностью не исключающая многочисленные пробелы, которые содержатся в данной теории и которые преодолеваются в такой уже новой дисциплине, как философия антиязыка.

Литература

1. Беркли Дж. Сочинения. Сост., общ. ред. и вступит. статья И. С. Нарского. – М.: Мысль, 1978. – 556 с.
2. История философии: Учебник для вузов / под ред. В. В. Васильева, А. А. Кротова и Д. В. Бугая. – М.: Академический Проект, 2005. – 680 с.
3. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 576 с.

⁶ 1: 16. Ср.: «Не отрицает он и общие идеи. Беркли отказывает в существовании только общим абстрактным идеям. В действительности, всякая общая идея, к примеру, идея «фрукта вообще», есть не что иное, как представление какого-то конкретного фрукта, которое, однако, интересует ум не само по себе, а в его репрезентативной функции, в качестве представителя целого класса объектов. Других отличий, кроме изменения точки зрения, между единичной и общей идеей нет. Репрезентативная теория абстракции используется Беркли для критики ряда важнейших понятий традиционной метафизики. Он убеждён, что неправильное понимание природы общих идей может приводить к созданию фиктивных понятий, таких как понятие материи, а также к попыткам разделить неразделимое, к примеру, разделить восприятие и существование. Подобные попытки могут оказаться успешными лишь на вербальном уровне. Беркли утверждает, что язык иногда сам подталкивает философов к ошибочным выводам» (2: 337).